

На правах рукописи

ХОЛТОБИНА Анастасия Сергеевна

**ЛЕКСИКА БЫЛИННОГО ТЕКСТА:
ЖАНРОВЫЙ, ДИАЛЕКТНЫЙ И ИДИОЛЕКТНЫЙ АСПЕКТЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭПИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Т.Г. РЯБИНИНА)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Белгород – 2015

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Курский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Праведников Сергей Павлович

Официальные оппоненты: **Красовская Нелли Александровна**,
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого», профессор кафедры русского языка и литературы

Гаврилова Татьяна Ивановна,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет», заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный педагогический университет»**

Защита состоится «18» июня 2015 г. в 14 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 212.015.03 при ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, корпус 17, к. 3-33.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» и на сайте www.bsu.edu.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

И.А. Куприева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Язык устного народного творчества являет собой предмет рассмотрения филологов на протяжении почти двух столетий.

Основополагающими в науке о языке русского фольклора стали работы Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, А.Н. Веселовского. 40–60-е годы XX века характеризуются возросшим интересом к народно-поэтической речи, многоаспектным и углубленным подходом к ее анализу. В этот период задачи в исследовании языка устной поэзии ставились и успешно разрешались в работах П.Г. Богатырева, А.П. Евгеньевой, И.А. Оссовецкого и других ученых. В 70-е годы были сформулированы цель и задачи лингвофольклористики – гуманитарной дисциплины, призванной выявить функциональные особенности языковой структуры в фольклорном тексте. В конце XX века лингвофольклористы вводили в научный оборот разножанровый фольклорный материал и анализировали его в различных направлениях. Результат такой работы виделся в постановке проблемы жанрового своеобразия фольклорной лексики.

В системе жанров русского фольклора особое место занимают былины, связанные с историей народа в самое непростое время становления и защиты Древней Руси, социально-политических конфликтов в государстве. Знаменательно, что первым классическим собранием русской народной словесности стал сборник, содержащий песенный эпос. В 1804 году появилось первое издание сборника Кирши Данилова – «Древние русские стихотворения». В 1861 году читатель познакомился с первой частью издания «Песен, собранных П.Н. Рыбниковым» и открыл для себя эпическое наследие Олонецкой губернии. Несколько позднее Онежский край посетил другой крупный собиратель. Результатом предпринятой поездки стало собрание «Онежских былин, записанных А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года».

О языке русских былин писали А.П. Евгеньева, В.Я. Пропп, П.Д. Ухов, Б.Н. Путилов, З.М. Петенева и др. Во второй половине XX века изучение языка былинных текстов вышло на качественно новый этап. С 70-х годов лингвисты от анализа частных фактов переходили к системному исследованию упорядоченных множеств языковых единиц, в частности, частей речи. Такой подход стал возможным во многом благодаря курской школе лингвофольклористики, представители которой в этот период приступили к изучению языка былин. Так, предметом исследования специалисты избирали имя числительное (А.Т. Хроленко, С.П. Праведников), имя прилагательное (Т.А. Павлюченкова), глагол (Н.В. Беляева), наречие (Т.П. Набатчикова), слова категории состояния (И.А. Диневич) и др.

В XXI веке изучение языка фольклора выходит на новый уровень, что предполагает исследование не отдельных фактов, а всей системы в целом. Новая парадигма включает корпусный подход, т.е. анализ большого объема языкового материала, и лексикографизацию методов, которая делает

всеобщим стремление закрепить в словарной форме результаты конкретных исследований. Словарь систематизирует необходимый корпус и выступает как инструмент решения языковедческих задач. В итоге скрупулезность лексикографического описания объединяется с тотальным охватом языкового материала.

Переход на новый уровень даёт возможность лингвофольклористу решать фундаментальные проблемы семантики фольклорного слова (А.Т. Хроленко), фольклорной лексикологии (И.С. Климас), фольклорной лексикографии (М.А. Бобунова), фольклорной диалектологии (С.П. Праведников).

Наша работа осуществлена в русле нового направления научного поиска, поскольку стремится дать целостное представление о лексике русской былины посредством привлечения данных подготовленной в рамках исследования лексикографической базы – словника, частотного словаря и конкорданса. В этом состоит **актуальность** предпринятого сочинения.

Объектом анализа является корпус былин Т.Г. Рябинина, **предметом** – лексический ярус эпических текстов сказителя.

Выбор указанных текстов в качестве объекта изучения не случаен. Былины, пропетые Т.Г. Рябининым, крестьянином деревни Середки Кижской волости Олонецкой губернии, – неоспоримая классика былинного искусства. Сейчас, «когда нам известны сотни былинных певцов и их репертуар, Т.Г. Рябинин занимает в этом ряду одно из первых мест как замечательнейший знаток, хранитель, исполнитель былин, а кроме того – и как основатель семейной династии старинщиков» (Б.Н. Путилов).

Роль сказителя в передаче эпического текста исключительна, степень его ответственности при этом очень высока. А.Ф. Гильфердинг отмечал, что в сохранении и преемственной передаче былин помимо механического действия памяти должно участвовать «какое-то коллективное <...> поэтическое чутье в народе». Певец не подозревает об участии в воспроизведении былин «личного творчества», хотя оно, по убеждению собирателя, есть. А.Ф. Гильфердинг называет это личной стихией, вносимой в былинку её исполнителем.

Цель работы – исследовать лексику былин Т.Г. Рябинина с позиций жанрового, диалектного и идиолектного своеобразия. Выявление жанровой специфики предполагает привлечение в качестве фонового материала словника и конкорданса песенных текстов, зафиксированных также в Олонецкой губернии во второй половине XIX века, и определение сходного и отличного в былинном и песенном лексиконах.

Заявленная цель обуславливает постановку и решение следующих **задач**:

- составить словник и частотный словарь былин Т.Г. Рябинина;
- создать конкорданс былинных текстов сказителя;
- охарактеризовать и сопоставить лексиконы былин и лирических песен Олонецкой губернии в количественном и качественном отношении;

- выделить ядерную лексику былинных и песенных текстов и описать её с точки зрения частеречной принадлежности, тематического состава и количественных показателей;
- определить удельный вес общеупотребительных, диалектных, собственно фольклорных единиц в былинном и песенном словниках и выявить особенности функционирования указанных слов в разножанровых народно-поэтических текстах, бытовавших и зафиксированных на одной территории в одно историческое время;
- выделить идиолектные единицы в лексиконе сказителя и дифференцировать их по частеречному и тематическому признакам.

База эмпирического материала. Источником фактического материала стало авторитетное в научном отношении издание «Онежских былин, записанных А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года». Анализу подверглась лексика 15 былинных текстов Т.Г. Рябина. Составленный на их базе словник включает 2 190 единиц в 30 195 словоупотреблениях. В качестве фонового материала использовались 114 необрядовых лирических песен, записанных в Олонецкой губернии в XIX веке и вошедших в семитомный свод «Великорусских народных песен» А.И. Соболевского. Словник песен включает 2 850 наименований в 12 938 словоупотреблениях.

Вспомогательным материалом явились словники и частотные словари былин и лирических песен, записанных в разное время как на одной территории, так и в разных местностях: былины из изданий А.Ф. Гильфердинга и П.Н. Рыбникова, севернорусские песни из сводов А.И. Соболевского и П.В. Киреевского, южнорусские песни из сборников М.Г. Халанского и А.И. Соболевского.

В качестве иллюстраций привлекались примеры из других былинных изданий.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в выявлении своеобразия лексики былинных текстов нами был применен подход, учитывающий жанровый, диалектный и идиолектный аспекты изучения материала, способствующий комплексному лингвистическому описанию эпического лексикона. На основе былин Т.Г. Рябина нами подготовлена лексикографическая база, включающая словник, частотный словарь и конкорданс.

Методы и методики исследования. В работе использовались такие общелингвистические методы, как описательный, основанный на непосредственном наблюдении языковых фактов и их характеристике, таксономический с методикой компонентного анализа, количественно-статистический, сопоставительный. В диссертационном сочинении нашли отражение оригинальные методики доминантного анализа и сжатия конкорданса, разработанные курскими лингвофольклористами.

Для эффективного использования указанных методик применялась специально созданная компьютерная программа *NewSlov* («Программа

автоматизированного составления и обработки словарей», автор – М.В. Литус).

Теоретическая ценность диссертации состоит в расширении возможностей лингвофольклористики за счёт системного исследования лексики былинного текста. Работа вносит вклад в решение проблем жанровой специфики языка фольклора, природы фольклорных диалектов, феномена идиолектности в традиции устного народного творчества.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут найти применение при разработке спецкурсов и спецсеминаров по языку фольклора, а также при изучении вузовских курсов современного русского литературного языка, устного народного творчества, русской диалектологии; могут быть использованы в лексикографической практике. Полагаем, что полученные данные будут полезны лингвистам, фольклористам, этнологам и культурологам.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Лексикографическая база, формируемая на основе мегатекста, способствует выявлению своеобразия лексикона сказителя, обеспечивает объективность описания языковых средств и даёт возможность проводить многоаспектный сопоставительный анализ лексического состава разножанровых фольклорных текстов.

2. Жанровая принадлежность мегатекста отражена в ядре исследуемого лексикона. Большая часть доминантной лексики является жанрово маркированной.

3. Несмотря на каноничность эпического текста, часть былинного лексикона территориально дифференцирована. Диалектные и собственно фольклорные слова, непосредственно связанные с фактором пространственной отнесённости, являются прямым доказательством местной специфики мегатекста. Качественный состав региональных особенностей зависит от принадлежности фольклорного текста к эпическому или лирическому жанру.

4. Сказитель былин, выступая как носитель и продолжатель художественной традиции, привносит в исполняемый эпический текст новизну, которая может быть материализована, в частности, в идиолектных словах и конструкциях.

Достоверность полученных результатов и выводов обеспечивается надёжностью методологической базы исследования, применением современных методик науки о языке, количеством исследуемого эмпирического материала, а также объёмными данными лексикографических источников.

Апробация работы. Материалы диссертации обсуждались на заседаниях аспирантского семинара при кафедре русского языка Курского государственного университета; были представлены в докладах на конференциях: VII Международная научно-практическая конференция «Современная филология: теория и практика» (Москва, 3–4 апреля 2012

года), XXI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, 7–11 апреля 2014 года); нашли отражение в восьми публикациях, три из которых размещены в ведущих периодических изданиях.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей, списка источников, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы, определяются объект и предмет исследования, цель и задачи работы, оценивается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, характеризуется методология исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Жанровое своеобразие лексики былинных текстов Т.Г. Рябина»** описан лингвофольклористический инструментарий в подготовке конкорданса, отражены принципы составления словника былинных текстов Т.Г. Рябина, проведён количественный и качественный анализ былинного лексикона в сопоставлении с данными народно-песенного репертуара, рассмотрена ядерная лексика былин и песен.

В *параграфе 1.1* обосновывается целесообразность сравнительной характеристики языка разножанровых народно-поэтических текстов.

В *параграфе 1.2* говорится о конкордансе народной поэзии. Конкорданс – алфавитный перечень всех слов какого-л. текста с указанием контекстов их употребления – используется прежде всего в писательской лексикографии, однако с 2007 года благодаря усилиям курских лингвофольклористов подобного рода справочники начинают создаваться на базе фольклорных текстов. Конкорданс былин Т.Г. Рябина, подготовленный в рамках исследования, дал возможность изучить лексикон сказителя в двух проекциях: внутренней, предполагающей непосредственный анализ былинного словника, и внешней, подключающей к работе фоновый фольклорный материал – конкорданс песен Олонецкой губернии.

В курской лексикографической практике создание конкорданса видится во взаимодействии трёх компонентов: мегатекста, компьютерной программы и словника.

Эмпирической базой лингвофольклористических изысканий является совокупность фольклорных текстов, которую курские исследователи предложили именовать термином *мегатекст*, трактуемым как текст, объединяющий конкретные паспортизированные тексты, существующий реально, материально представленный в письменной и/или электронной форме (С.П. Праведников). Посредством компьютерной программы *NewSlov* мегатекст целиком «распадается» на словоформы с указанием количества

словоупотреблений. Так, перед исследователем предстаёт упорядоченный по алфавиту список словоформ, который затем путём лемматизации может быть преобразован в словоуказатель лексем. Электронный автоматизированный словник позволяет оперативно извлекать из совокупности текстов любую лексему с полным набором контекстов, вмещающих запрашиваемое слово: благодаря компьютерной программе каждая словарная единица связана со всеми отрезками мегатекста, в которых она наличествует.

Параграф 1.3 нацелен на описание принципов составления былинного словника и включает общую характеристику словарного состава былин и олонекских лирических песен. Проведённый количественный анализ разножанровых лексиконов позволил определить среднюю частоту слова и коэффициент лексического разнообразия словаря, а также расформировать словники на части в зависимости от степени употребительности лексем: частотная лексика и низкочастотная лексика, из числа которой вычленены единичные слова, составившие отдельный ряд. Так, лексика *hарах legomena* составила примерно третью часть былинного словника и половину народно-песенного словаря.

Значимо распределение былинного и песенного словарей по частям речи, отражающее общие и жанровые тенденции в построении фольклорно-языковой модели мира. В былинных текстах наиболее разнообразны глаголы, которым незначительно уступают существительные, однако по количеству словоупотреблений последние почти в два раза превышают процессуальные наименования. В песенном словнике существительные занимают большее число позиций. Преобладание единиц предметного мира сохраняется и в их проецировании непосредственно на текст: существительные составляют чуть менее трети всех включений, глаголы – пятую часть.

В *параграфе 1.4* характеризуется ядро былинного и песенного лексиконов, критерием выделения которого явилась частотность единиц в словарях. Граница ядерной лексики была подведена после первых ста слов верхнего ранга с исключением из их числа не соотносимых с понятиями частотных служебных единиц, местоимений, имён собственных. Изучение таких лексем с точки зрения их состава, частеречной принадлежности, тематических группировок на материале двух мегатекстов дало возможность обозначить внутри- и общежанровые приоритеты фольклорной картины мира. При анализе количественных характеристик нами учитывалось не число словоупотреблений (этот критерий относителен, поскольку зависит от объёма словника), а ранг единицы, или индекс её положения среди ста доминантных слов, что обеспечило корректность межжанрового сопоставления.

Ядро былинного и народно-песенного лексиконов оказалось проницаемым менее чем на треть. Большую общность обнаружили имена натурфактов и имена социофактов (общежанровые доминанты *поле, голова, нога, рука и брат, мать, молодец*), меньшую – имена артефактов (*город*), имена ментифактов (*слово*), оценочно характеризующие прилагательные

(*добрый*), глаголы речи, звучания (*говорить*) и др. Заметно жанрово маркированными оказались артефактные наименования: былинные доминанты *двор, палата, горенка, церковь, стол, одежда, чара, пир, стрелка, лук, сошка*, народно-песенные – *сад, терем, кабак, окно, кровать, ворота, перина, лента, перстень*. Также только в ядре былинного лексикона отмечены глаголы физического воздействия на объект (*бить, спустить*) и исключительно в числе народно-песенных доминант – глаголы эмоционального состояния и эмоциональной деятельности (*любить, плакать*). Существенные различия касаются единиц, входящих в ядро одного лексикона и не фиксируемых в числе доминантных и периферийных слов другого (*богатырь, князь, белокаменный, разрывчатый, стольный* и др. в былинном словнике, *друг, горе, алый, бедный, забыть* и др. в песенном). Такие наименования в большинстве своём выполняют жанрообразующую функцию.

Во второй главе «Диалектный аспект изучения былинного лексикона» характеризуются слова общеупотребительные, диалектные и собственно фольклорные, выявленные в былинном и песенном мегатекстах.

В параграфе 2.1 рассматривается общеупотребительная лексика, составляющая большую часть народно-поэтического лексикона, в связи с чем являющаяся наиболее крепким связующим звеном фольклорных текстов разных жанров.

Перечни общеупотребительных наименований былинного и песенного словников были сформированы нами с опорой на данные академических нормативных толковых словарей русского языка (МАС, БАС).

В былинном словаре общеупотребительные слова составили 61,4%, в песенном – 70,6%. Половина былинных слов и треть песенных, фиксируемых указанными лексикографическими изданиями, явились общежанровыми. Среди существительных обнаружили общность, в частности, наименования действующих лиц, в том числе содержащие указание на определённое качество (*батюшка, боярин, брат, вдова, девушка, дочь, дурак, душечка, жена, крестьянин, купец, мать, муж, мужик, отец, пьяница, сестра, царь* и др.), названия растений (*береза, куст, мурава, трава, цветок, цветочек*), животных и птиц (*волк, голубка, гусь, конь, сокол, соловей*), природных явлений и состояний (*ветер, грязь, дождь, заря, месяц, солнышко*), именованья временных отрезков (*утро, день, вечер, ночь*), бытовых реалий (*бочка, ворота, дверь, двор, ключ, книга, котел, кроватка, мешок, одеяло, перина, печка, плетень, скамейка, стол, стремя, стул, чарочка* и др.), имена абстрактных понятий (*воля, добро, досада, правда, сила, счастье, честь* и др.).

В параграфе 2.2 проанализирована территориально ограниченная лексика в народно-поэтических текстах.

Идея территориальной неоднородности фольклора возникла в процессе сбора народно-поэтических текстов. Собиратели русского фольклора XIX века отмечали связанные с местом бытования специфические черты

практически во всех жанрах устного народного творчества. Основанием стало положение о том, что любое фольклорное произведение исполняется на том или ином диалекте, который используется певцами и сказителями в повседневной жизни, а диалекты эти неизбежно отличаются друг от друга рядом фонетических, лексических и грамматических показателей. В качестве неоспоримого вещественного аргумента выступают и составленные собирателями и ценителями народной поэзии небольшие по объёму словари местных или малопонятных слов, которые были призваны помочь в точном прочтении текста и в передаче свойственного каждому конкретному региону своеобразия. П.Н. Рыбников одним из первых осознал необходимость лексического комментария к эпическим текстам и подготовил специальный словарь «Объяснение непонятных и областных слов, встречающихся в сборнике».

Критерием отбора диалектной лексики в нашем исследовании явилось наличие той или иной лексемы в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ), который представляется нам самой авторитетной базой для идентификации диалектного слова. Как известно, в перечень материалов, на основе которых составляется Словарь, вошли многочисленные фольклорные источники, из которых отбирается не лексика устного народного творчества вообще, а диалектные слова, встречающиеся в языке произведений фольклора (в записях XIX–XX вв.). Единицы, снабжённые пометой «фольк.» в Словаре, мы рассматривали отдельно (в параграфе 2.3).

В качестве дополнительного материала нами также привлекались областные словари, имеющие отношение к северному региону, в том числе «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК), «Архангельский областной словарь» (АОС); прикнижные вокабуляры, помещённые в сборниках фольклорных произведений (издания П.Н. Рыбникова, А.И. Соболевского и др.); словарь В.И. Даля.

Мы придерживались классификации диалектных единиц, которая была предложена составителями «Словаря русских народных говоров» О.Д. Кузнецовой и Ф.П. Сороколетовым. Так, в словарном составе диалектов выделяются четыре структурных лексических класса: 1) лексические диалектизмы; 2) семантические диалектизмы; 3) диалектные словосочетания; 4) фразеологические диалектизмы.

Помимо упомянутых единиц, мы отметили зафиксированные в диалектных справочниках предложно-падежные сочетания, которые в фольклорных текстах становятся аналогами слова. Выявлены сочетания полнозначного слова с предлогом (*на|проходе*, *на|пяту*, *по|надобью* и др.), с частицей (*не|охотою*), с предлогом и частицей (*не|в|люби*, *не|с|упадкою*, *не|в|пору*). Общежанровая форма – *по|люби*. Также учитывались сочетания знаменательных слов, имеющие диалектный характер. Часть таких образований представлена в специализированном словаре и снабжена в нём знаком ◊: былинные композиты *быстрым-быстра*, *злой-догадливый*, *скоро-наскори* и др., песенные – *вести-басни*, *кумушка-подружка*, *пить-гулять* и

др. Отмечена общность наименования *род-племя*. Другая часть таких конструкций целиком в сводном словаре русских народных говоров не зафиксирована, однако один из её компонентов находит отражение в справочнике: былинный композит *близко-поблизку*, песенные – *закутить-замести*, *страсть-ужас*, *хороший-баский* и др.

Диалектные наименования в былинном словнике составили 21,8%, в народно-песенном – 17,9%. На долю общежанровых территориально ограниченных лексем пришлось около 9% выявленного в каждом из мегатекстов материала.

Большее число позиций в былинном перечне лексических и семантических диалектизмов оказалось отведено глагольной лексике. Среди аналогичных народно-песенных единиц количество существительных и глаголов почти совпало.

В составе лексических диалектизмов словников представлены (1) слова, корни которых отсутствуют в литературном языке (*базыка*, *повыздынуть*, *приогрюшиться* и др. в былинах и *бухры*, *возжуплять*, *придрокушка* и др. в песнях), (2) слова с корнями, известными в литературном языке, отличающиеся формантами (*вместях*, *зернедко*, *супротивник* и др. в эпосе и *бессчастный*, *впусе*, *завсегда* и др. в лирике), (3) сложные слова (*рукомойница*, *рукопашкой* в былине, *разноличный*, *самоволька*, *каравод* в песне, *самолучший* в обоих жанрах), (4) слова, материально схожие со словами литературного языка, тождественные им семантически, но отличающиеся незначительно фонетическим обликом из-за реализации в нём лексикализованных фонетических процессов (*балхон*, *звеличать*, *снарядный* и др. в эпосе и *поздо*, *путра*, *сусед* и др. в лирике).

В целом в числе лексических диалектизмов каждого из словников совпали существительные *братъеца*, *горенка*, *конюшенка*, прилагательные *бессчастный*, *нонешний*, *перёный*, *самолучший*, *средний*, числительные *единый* ('один'), *трои*, глаголы *дожидать*, *е* ('быть'), *наказывать*, *поглянуть*, *поезжать*, *сбирать*, *скачить*, *спородить*, *ставать*, *становить*, *хошь*, наречия *далече*, *куды*, *поскорешенько*, *почто*, *скоренько*, *скорёшенько*, *туды*.

Вычленение семантических диалектизмов – общенародных слов с иным, чем в литературном языке, значением – в фольклорном тексте сопряжено с определёнными трудностями. Произведение устного народного творчества в силу своей специфики, заключающейся в том числе в удивительном богатстве смыслового наполнения, не может и не должно подгоняться под стандартное восприятие человеком действительности. В связи с этим каждая единица словников в многообразии её употреблений проверялась по словарям.

Довольно сложно, не оперируя контекстом, предугадать, в частности, значение слов *засеять* / *посеять* – 'понести плод (о женщине)' / 'быть посеянным во чреве. Быть зачатым' (СРНГ: 11: 30) / (СРНГ: 30: 154). Толкование становится прозрачным в прочтении двух сцен, вторая из

которых является кульминационной: обращение Настасьи королевичны к Дунаю Ивановичу с вестью – *У меня с тобой во чреве есть чадо посеяно* (Гильф., 2, № 81) – и убеждение в истинности слов погибшей *семеняшки* – *Роспластал он ей да чрево женское, Посмотрел-то как у них чадо засеяно* (Гильф., 2, № 81).

В лирических песнях лексема *потайной* употреблена дважды. В каждом из контекстов прилагательное следует трактовать по-своему: 1) ‘скрываемый от других, тайный’ (СРНГ: 30: 263): *Ай, да сказал первое девушке словечко: «Не полюбишь ли ты, девушка, да меня?» Он – другое словечко потайное: «Выйди, любушка, замуж за меня!..»*... (Соб., 2, № 157); 2) ‘закадычный, близкий’ (СРНГ: 30: 263): *Никому-то про досаду в доме не скажу, Я ни батюшке, ни матушке своей родной; Предъявлю печаль подружке своей потайной...* (Соб., 5, № 367). Наше наблюдение подтвердили примеры, иллюстрирующие в «Словаре русских народных говоров» данные толкования: *Три словечка искрытия, Три словечка потайныя* и *Выскажу горе подружке своей потайной* (СРНГ: 30: 263).

Общежанровыми семантическими диалектизмами явились существительные *ворот* ‘шея; нижняя часть шеи’ (СРНГ: 5: 117), *мех* ‘мешок’ (СРНГ: 18: 143), прилагательные *великий* ‘большой’ (СРНГ: 4: 108) в былине (*каменья*) / ‘интенсивный, сильный по степени проявления’ (АОС: 3: 96) в песне (*пригрозы*), *жёлтый* ‘русый, светло-русый (о цвете волос)’ (СРНГ: 9: 116), *сладкий* ‘вкусный, приятный на вкус’ (СРНГ: 38: 222), глаголы *велеть* ‘разрешать, позволять’ (СРНГ: 4: 106), *взять* ‘жениться, взять замуж’ (АОС: 4: 78), *видать* ‘видеть’ (СРНГ: 4: 273), *выспрашивать* ‘спрашивать, расспрашивать’ (АОС: 8: 232), *побить* ‘лишить жизни, убить’ (СРНГ: 27: 194), *попасть*, *спустить*.

Глагольные единицы *попасть* и *спустить* обнаружили расхождения в семантике. Так, в былине глагол *попасть* означает ‘выходить замуж за кого-л.’ (СРНГ: 29: 295) – *Воспроговорит Офимья таковы слова: «Три году я Господу молиласи, Что **попасть** бы мне замуж за Хотинушку...»*... (Гильф., 2, № 84); в песне – ‘достаться, выпасть на долю’ (СРНГ: 5: 75) – *Неравно-то замуж выдется, Неравен-то черт навяжется: Либо старый, либо младый **попадет**...* (Соб., 2, № 114).

В числе диалектных словосочетаний – составных наименований, которые носят в большинстве своём терминологический характер – были выделены наименования, компоненты которых – общенародные слова (*кость рыба* ‘моржовый бивень’ (СРНГ: 15: 87), *не корысть получить* ‘не получить выгоды, преимуществ’ (СРНГ: 29: 169) в былине, *весёлые люди* ‘скоморохи’ (СРНГ: 4: 181), *сказать благодарность* ‘поблагодарить’ (СРНГ: 37: 364) в песне), диалектное и общенародное слово (*загадки отгадывать* ‘задавать загадки’ (П.Н. Рыбников), *цветное платьице* ‘дорогая одежда, украшенная драгоценностями’ (СРНГ: 27: 100) в эпосе, *в гости гостить* ‘приходить в гости’ (СРНГ: 7: 96), *речь говорить* ‘разговаривать’ (СРНГ: 35: 84) в лирике), диалектные слова (*грамота повинная* ‘грамота, содержащая

признание вины' (СРНГ: 27: 246), *подорожная шалыга* 'плеть с кистенем' (СРНГ: 28: 123) в былинном тексте, *набирать наборы* 'ткать с узорами' (СРНГ: 19: 128), *оплетать погонялкой* 'наносить побои, сильно бить' (СРНГ: 23: 264) в песенном). Отмечены общежанровые словосочетания: *бог помочь* '(устар. и обл.) пожелание успеха работающему' (МАС: 3: 284), *на спокой ложиться* 'ложиться спать' (*на спокой расположиться, пойти* и т.п. 'расположиться, пойти и т.п. спать') (СРНГ: 40: 203).

Фразеологические диалектизмы – идиомы – встречались в исследуемых текстах довольно редко (например, *бить не жалухою* 'бить сильно, без всякой жалости' (СРНГ: 9: 67) в былине и *из карманчиков повыгрузить* 'о чрезмерной или бесполезной трате денег' (СРНГ: 27: 269) в песне). Общежанровых идиом нами не выявлено.

Диалектные слова разножанровых текстов были распределены нами по тематическим группам. Мы отметили смысловую общность наиболее объёмных совокупностей и вместе с тем жанровое своеобразие их словарного состава. В народной поэзии диалектная лексика представлена наименованиями рода занятий (*казачиха, приворотник, рукомойница* в былине и *водолей, ловец, стряпеюшка* в песне), словами, служащими для оценки человека и его качеств (*безыменный, завидливый, оворотистый и недужливый, неудалый, перегадливый*), глаголами движения (*перемахивать, поразъехать, пролётывать* и *перелётывать, поезжать, пришатиться*); в былинных текстах зафиксированы местные названия бытовых понятий (*миса, обручик, подпруг*), территориально маркированная военная лексика (*поединщик, полон, пораспластать*); в народно-песенных произведениях присутствуют диалектные термины родства (*братовья, млада, свёкрушка*), наименования кушаний (*мяконки, пшеничник, ситничек*) и др.

Исследование выявило особые словообразовательные модели диалектных слов. Территориально ограниченная лексика представлена разнообразными диминутивами, среди которых в каждом из жанров регулярными явились существительные и наречия; полипрефиксальными глаголами с продуктивными вторичными префиксами: *по-* в былинах и *по-, при-* в песнях. Отмечены корневые морфемы, наиболее активно участвующие в процессе образования диалектных слов. В эпосе распространены слова с корнями *-ех-, -мах-, -стол-, -стрел-*; для лирики характерны гнёзда слов с корнями *-вол-, -гост-, -гул-, -сух-*. Зафиксированы и общежанровые продуктивные корневые морфемы *-лом-, -тис-, -скор-*.

Параграф 2.3 посвящён описанию собственно фольклорной лексики в народно-поэтических текстах.

К фольклоризмам были отнесены слова, отдельные значения, устойчивые выражения с пометами «народно-поэт.» в нормативных словарях и «фольк.» в диалектных. По данным привлекаемых лексикографических изданий, в былинном словнике собственно фольклорные наименования составили 10,1%, в песенном – 8,4%. Общность обнаружили более 20% фольклоризмов каждого из лексиконов.

Среди выделенных наименований отмечены устойчивые сочетания, в большинстве своём помещённые в словарях за специальным знаком – ◇. Составляющими таких выражений стали собственно лексические (*дорожка призамешкалась, собачище изменное* в былине и *давать назолушку, море сколыблется* в песне) и семантические (*на дым спустить, неверная земля* в эпосе и *наложить печали, ясный сокол* в лирике) фольклоризмы, в отдельных случаях – только общеупотребительные слова (*за кого-, что-л. странствовать, змея лютая* в былине и *мать-отец, путь-дорожка* в песне).

Большая часть былинных и песенных фольклоризмов пришлась на существительные. Менее четверти единиц каждого из словариков составили глаголы.

В былинном и песенном текстах в числе специфически фольклорных существительных совпали наименования персонажей *девица, детушки, людюшки, молодец, слуга*, именованья *матушка, свет*, названия элементов ландшафта *горушка, долинушка, дороженька, камень, лесушек, морюшко*, фитонимы *кустышек, травушка*, зоонимы *конюшек, лебёдушка, лебедь*, обозначение времени *суточки*. Отмечена общность предметно-бытовых наименований *гусельника, колечико, околеника, перинушка, столичек*. Среди фольклоризмов с признаковым значением оказались тождественны прилагательные *белый, калёный, красный, лазуревый, светлый, сырой*, снабжённые в словарях пометами *постоянный эпитет* (кого-, чего-л.) или *эпитет* (кого-, чего-л.), также *буйный, добрый, косевчатый, ласковый, молодецкий, родимый, удаленький, шелковый, яровчатый*, наречие *в/особину*.

Общность обнаружили и устойчивые сочетания, в числе которых зафиксированы словосочетания *горючие слёзы, горячий белый камешек* (в былине) / *бел горюч камень* (в песне), *зелёное вино, змея лютая, калиновый мосточек* (в былине) / *калиновый мост* (в песне), *красное золото, ронить слёзы, серая утушка, удалый молодец*, композиты *пора-времечко, пора-время, путь-дороженька*.

В эпосе в составе собственно фольклорных единиц отмечены наименования рода занятий (*портмойница, ратай, скоморошина*), оценочно характеризующие слова (*дородний, неумильный, хорошохонышко*), наименования эмоций, эмоциональных состояний и реакций (*обидушка, прикручиниться, скорбить*), названия бытовых понятий (*велеи, лапотники, стремяночки*), глаголы речи, звучания (*воспроговорить, испровещиться, спромолвить*); в лирике список фольклоризмов включил наименования с точки зрения межличностных отношений, свойств человека по отношению к другим людям (*милушка, обрученка, солубезники*), наименования животных и птиц (*кокушица, конюшек, соловьюшко*), названия погодных явлений и состояний (*пригрозы, сиверочек, снежки*) и др.

Своеобразная морфемная структура фольклоризмов позволила выделить словообразовательные модели, как общежанровые, так и жанрово специфичные. В былинных и народно-песенных текстах регулярны слова с префиксом *воз-*, в том числе выступающим как вторичный. В народной

поэзии активно употребляются отыменные существительные с суффиксом *-иц-*, диминутивные существительные с суффиксами *-ушк-/-ышк-/-юшк-*. В эпосе значимы фольклоризмы со сложной основой. К корневым морфемам, которые чаще других использовались в процессе фольклорного словообразования, мы отнесли следующие: *-бел-*, *-врем-* в былинах, *-вол-*, *-дет-*, *-лет-*, *-люб-*, *-мил-* в лирических песнях, *-молод-* в обоих жанрах.

В заключительном разделе параграфа рассмотрены собственно фольклорные слова, фиксируемые в словарях с пометами *постоянный эпитет* (кого-, чего-л.), *эпитет* (кого-, чего-л.), *в сочетаниях как эпитет* и под. Употребление таких единиц являет собой особую степень сюжетной образности, яркую примету народно-поэтической речи. Биномы заостряют на себе внимание читателя, гармонично включаясь в воссоздание эпического и лирического повествовательного пространства.

Только в былинах нами зафиксированы эпитеты *белояровый* 'постоянный эпитет пшена в былинах, указывающий на высокое качество' (А.М. Астахова), *сахарный* 'фольк. Эпитет губ, рта <...> фольк. Эпитет дерева' (СРНГ: 36: 155), *стоялый* 'давно стоявший, эпитет мёда <...> где есть стойла. Эпитет конюшни' (П.Н. Рыбников) и др.; исключительно в лирических песнях – единицы *крутоскладный* 'фольк. Эпитет изголовья' (СРНГ: 15: 332), *серый* 'в названиях птиц <...> ◇ Серый гусь. Фольк. Эпитет гуся' (СРНГ: 37: 225), *тальянский* 'фольк. Эпитет платка' (СРНГ: 43: 254) и др. Общими явились наименования *белый* 'постоянный эпитет лебедя <...> постоянный эпитет лица и рук' (БАС: 1: 379–380), *калёный* 'в народной поэзии – постоянный эпитет стрелы' (МАС: 2: 21), *лазуревый* 'фольк. Постоянный эпитет цветов в песнях' (СРНГ: 16: 246), *матушка* 'народно-поэт. Употребляется как постоянный эпитет' (МАС: 2: 238), *светлый* 'фольк. Эпитет месяца' (СРНГ: 36: 266) и др.

В третьей главе «Идиолектно маркированные наименования в эпических текстах Т.Г. Рябининой» представлены индивидуально-исполнительские слова и конструкции, выявленные в лексиконе сказителя.

В параграфе 3.1 затронута проблема варьирования былинного текста.

Эпический текст достаточно каноничен. Соблюдение известных сказителю требований предполагает тщательный отбор используемых им языковых элементов. Вместе с тем, несмотря на обязательное главенство традиционного, исполнение фольклорного произведения должно непременно включать и вносящее новизну индивидуальное. «... Если бы во все виды народного искусства не вносилось импровизации, традиция стала бы штампом. Произведение механизировалось бы, потеряло бы одну из своих основных функций – воздействие на слушателей и зрителей – и постепенно должно было бы исчезнуть из фольклорного репертуара» (П.Г. Богатырёв). Другими словами, как бы произведение ни зависело от канона, «сам канон предписывал особый механизм обновления, основанный на поэтике слова» (П.А. Гринцер). Певец, таким образом, не отступая от исполнительской традиции, привносит в своё повествование в числе прочего дополнительные

вербальные средства. Это обуславливает «вибрацию текста», под которой понимают «варьирование как чередование обратимых замен элементов с одинаковыми функциями» (К.В. Чистов). Вибрация текста, основываясь на устойчивости опорной содержательно-художественной конкретики, дополняется так называемым «добиранием» подробностей (В.М. Гацак), что может рассматриваться как очевидное проявление идиолектности.

В параграфе 3.2 указан принцип выделения идиолектных наименований и дан анализ выявленных единиц с точки зрения их состава, частеречной принадлежности.

Термином *идиолект* в узком смысле называют специфические речевые особенности отдельного носителя данного языка. Идиолект былинного певца характеризуется, прежде всего, совокупностью слов, сочетаний и формул, отмеченных исключительно в тексте (текстах) одного сказителя. Нахождение таких идиолектно маркированных единиц стало возможным благодаря активному развитию фольклорной лексикографии, накопившей опыт в создании разнообразных лексикографических справочников: алфавитных словарей, частотных словарей и конкордансов.

Для выявления единиц, которые в собрании «Онежских былин» А.Ф. Гильфердинга отмечены в текстах одного сказителя, были привлечены, помимо словаря былин Т.Г. Рябинина, два издания – словарь «Онежских былин» А.Ф. Гильфердинга (М.А. Бобунова) и «Словарь языка русского фольклора» (М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко). К идиолектным наименованиям в лексиконе сказителя были отнесены единицы, частотность которых совпала в указанных справочниках. Так, количество словоупотреблений прилагательного *скоморовчатый* идентично в словнике былин Т.Г. Рябинина и словнике онежских былин (7). Следовательно, данное слово может быть признано идиолектным.

Фиксация индивидуально-исполнительских единиц представляет большой интерес, поскольку такие слова не закреплены в других текстах издания и являются для него оригинальными. Слово, таким образом, в эпическом фонде присутствует, или его употребление не противоречит традиции, но включение такого наименования в былинный текст не обязательно.

Согласно количественным данным указанных справочников, нами было выделено 284 идиолектных слова. Эти единицы в собрании «Онежских былин» А.Ф. Гильфердинга функционируют исключительно в произведениях Т.Г. Рябинина. Доля таких наименований в словнике «Онежских былин», включающем 7 472 единицы, – 3,8%. В словнике былин сказителя, подключающем имена собственные, местоимения, служебные слова и вмещающем 2 190 единиц, такие слова составили 13%.

В перечне идиолектных единиц глаголы заняли почти половину позиций; существительные, составившие чуть менее трети слов, в два раза превысили количество уникальных прилагательных; менее всего в «обновлении» былинного текста были задействованы наречия.

Среди наименований, привлекаемых только Т.Г. Рябининым, отмечены слова, наличествующие в текстах олонецких лирических песен: существительные *колечко, цветок, цепочечка, щеголь*, прилагательные *легкий, нонешний, холодный*, глаголы *допустить, допускать, отсылать, перестать, побросать, полетать, поцеловаться, припадать, прогулять, унывать*. Словесное окружение перечисленных единиц в эпическом и лирическом повествованиях различно.

В числе индивидуально-исполнительских лексем нами были выделены слова общеупотребительные, диалектные (*зернедко, поговоря, посмешка, досюлешний, оворотистый, пометный, замураветь, листиться, подлыгаться, поздешенько, по-однакому, пословечно* и др.), собственно фольклорные (*кречень, кроволитьице, поручинки, гармузинный* во взаимодействии с существительным *сукно, изменный* в бранном выражении *собащице изменное, орлений, воспотешить, призадохнуться, призамешкаться, крадчи* и др.), а также единицы, не фиксируемые нормативными толковыми словарями и сводным словарем русских народных говоров.

Наименьшая частотность идиолектных единиц – 1 словоупотребление, наибольшая – 22.

В числе индивидуально-исполнительских существительных на долю гапаксов пришлось почти 50%. Только три наименования явились частотными: *стольне-Киев* (22), *одежица* (20), *стопа* (14). Вместе с тем сказителем регулярнее других использованы существительные *кречень* (6), *палица/паличка* (6), *колечко* (5), *хребет* (5). Среди идиолектных прилагательных единичные составили более половины единиц. Чаше всего сказитель привлекал такие именованья признаков, как *холодный* (8), *скоморовчатый* (7), *муржамецкий* (6), *посыльный* (5), *россейский* (5), *соловий* (5). Доля идиолектных глаголов, единожды употреблённых в былинных текстах, также весьма велика – 64%. В большей степени регулярны слова *воспотешить* (9), *насмотреть* (8), *покладать* (7), *обгалиться* (6), *поразмахивать* (6), *настлать* (5), *поберечь* (5). В перечне характеристичных наречий гапаксы составили более 66%. Отмечены и весьма востребованные единицы: *по-соловьему* (9), *не|жалухою* (8), *пословечно* (7).

Нами выделены также единицы, встречающиеся в эпических текстах Т.Г. Рябина чаще, чем в произведениях других сказителей.

В параграфе 3.3 предпринята дифференциация индивидуально-исполнительских наименований по тематическому признаку, которая позволила выявить смысловые сферы, пополняемые посредством слов, привносящих новизну в каноничный эпический текст. Предметный мир был распространён прежде всего за счёт имён социофактов (*здержавушка, казачиха, стольница, хлебоясть, щеголь*) и имён артефактов (*затвор, одежица, рехтели, скатно-жемчуг, уеда*); признаковое пространство расширилось в том числе благодаря прилагательным, определяющим природу и материальный мир (*напольский, неутышный, подкожный,*

поедучий, потолкучий); перечень процессуальных наименований сформировали в большинстве своём глаголы физического воздействия на объект (*жгать, клепать, отпихивать, повыколнуть, приущипаться*); совокупность адвербиальных единиц включила в числе прочего модификаторы образа действия (*вместях, кружком, мертво, не|в|люби, не|жалухою*).

Так, в былинном тексте Т.Г. Рябина прилагательное *подкожный* соотносится с существительным *крылышки*. Количеством *подкожных крылышек* различаются три богатырских коня: у коня Ильи Муромца – большего брата – *есть трои крылышка подкожныи*, у коня Дюка Степановича – среднего брата – *есть двое крылышка подкожныи*, у коня Щурилушки Пленковича – меньшего брата – *одны-то есте крылышка подкожныи* (Гильф., 2, № 85). Указанный факт стал определяющим в победе Дюка Степановича над Щурилушкой Пленковичем в предпринятом состязании: *Молодой боярин Дюк Степанович Он проскочит через славную Пучай-реку Да й на тот на славный крутой бережек; Молодой Щурилушко-то Плёнкович Посеред реки он приогрюшился Со добрым конем да с богатырским...* (Гильф., 2, № 85).

В параграфе 3.4 описаны критерии выделения идиолектных языковых конструкций.

Опираясь на данные словника, мы не ставили перед собой задачу детального представления индивидуально-исполнительских языковых конструкций, как-то: идиолектных словосочетаний, формул, ассоциативных рядов. Нами отмечена только часть таких единиц, информацию о которых содержат имеющиеся в арсенале лингвофольклористов статьи «Словаря языка русского фольклора». Для этого мы обращались к синтагматической части необходимой словарной статьи, фиксирующей все текстовые связи слова в пределах стихотворной строки или смежных строк, и учитывали дополнительную информацию к описываемому слову, помещаемую в словаре за знаком +:

С завершением работы над словарём можно будет сформировать полный перечень специфических языковых конструкций того или иного сказителя. Мы же (для примера) ограничились некоторыми структурами: *одежица снарядная* (10 употреблений), *поразмахивать дверь на|пята* (6), *дары драгоценные* (4), *кланяться до полов кирпичных* (4), *снять крышу со бела шатра* (4), *Господний крест* (3), *дрянное лученочко пометное* (2), *завести пированьице* (2), *черлений стул* (2), *детушки крещеные* (1) и др.

В заключении подводятся итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Предложенный нами разноаспектный подход к описанию народно-поэтического языка, учитывающий жанровую, диалектную и идиолектную специфику конкретного материала, представляется перспективным ввиду того, что способствует системному исследованию лексики фольклорных текстов. В дальнейшем считаем целесообразным по разработанной модели

проанализировать словарный состав мегатекстов других исполнителей; в частности, с расширением лексикографической базы (увеличением числа словников, конкордансов) появится возможность продолжить изучение эпического наследия сказителей, в том числе потомков Т.Г. Рябинина. Трехединый подход позволит обнаружить жанровое своеобразие избранного фольклорного материала, выявить территориальные особенности лексикона и определить в нём долю идиолектно маркированных наименований.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

в ведущих периодических изданиях

1. Холтобина, А. С. Диалектизмы в былинных текстах Т. Г. Рябинина / А. С. Холтобина // Ученые записки : электронный научный журнал Курского государственного университета. – Курск, 2013. – № 3 (27). – Том 1. – Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/pdf/031-016.pdf> (0,56 п.л.).

2. Холтобина, А. С. Территориально ограниченная лексика в песенных текстах Олонецкой губернии XIX века / А. С. Холтобина // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). – Краснодар : КубГАУ, 2013. – № 10 (094). – С. 650–665. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2013/10/pdf/43.pdf> (0,64 п.л.).

3. Холтобина, А. С. Фольклоризмы в песенных текстах Олонецкой губернии XIX века / А. С. Холтобина // Вестник Орловского государственного университета. – Орел, 2013. – № 6 (35). – С. 276–279 (0,5 п.л.).

в других изданиях

4. Холтобина, А. С. «Слово» в былинной и народно-песенной традиции Русского Севера (на материале олонечких лирических песен и былин Т. Г. Рябинина) / А. С. Холтобина // Лингвофольклористика. – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2012. – Вып. 19. – С. 45–51 (0,29 п.л.).

5. Холтобина, А. С. Сопоставительный анализ лексики олонечких лирических песен и былинных текстов Т. Г. Рябинина / А. С. Холтобина // Современная филология : теория и практика : материалы VII Международной научно-практической конференции. – М. : Спецкнига, 2012. – С. 320–324 (0,25 п.л.).

6. Холтобина, А. С. Фольклоризмы в былинных текстах Т. Г. Рябинина / А. С. Холтобина // Лингвофольклористика. – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2013. – Вып. 20. – С. 64–70 (0,36 п.л.).

7. Холтобина, А. С. Сопоставительный анализ диалектных единиц былинных и песенных текстов Олонецкой губернии XIX века / А. С. Холтобина // Материалы Международного молодёжного научного

форума «ЛОМОНОСОВ-2014» / Отв. ред. А. И. Андреев, Е. А. Антипов. – М. : МАКС Пресс, 2014. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) (0,13 п.л.).

8. Холтобина, А. С. Сравнительная характеристика фольклоризмов былинных и песенных текстов Олонецкой губернии XIX века / А. С. Холтобина // Лингвофольклористика. – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2014. – Вып. 21. – С. 52–59 (0,42 п.л.).